

Джеймс Олдридж, писатель,
лауреат международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»:

ШОЛОХОВ И МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Однажды кто-то сказал, что русской литературе пришлось пройти испытание огнем. Честно говоря, я не совсем понимаю, что сказавший это имел в виду. Я твердо знаю лишь одно, что русская литература во всей полноте отобразила те испытания, через которые прошел великий русский народ. Испытания в войне и мире, испытания, связанные с колоссальными историческими переменами, когда свет сменял тьму, а буря — затишье. Советский народ всегда жил и продолжает жить насыщенной духовной жизнью. А советская литература всегда отражала биение пульса жизни своего народа.

После Великой Октябрьской социалистической революции советскому писателю приходилось решать задачи, с которыми до тех пор не сталкивался ни один художник в мире. И не из-за трудностей, которые вставали на его пути, а из-за той трансформации, которую претерпевала человеческая личность, из-за сложного комплекса нравственных и социальных проблем, которые теперь вставали перед принципиально новым человеческим обществом.

Имя Михаила Шолохова плотно слилось с понятием советская литература. В его произведениях нашла свое отражение вся жизнь советского народа. За прожитые годы я не сколько раз по-новому оценивал творчество Шолохова. И не потому, что вдруг мог усомниться в художественной или идейной ценности его произведений, а лишь потому, что как писатель инстинктивно тянулся к другому писателю, чтобы он помог мне лучше разобраться в событиях, происходивших в Стране Советов. Поэтому мне и хочется говорить о Шолохове-писателе, о том, какое влияние он оказал на меня.

В 1934 году, когда первые произведения Михаила Шолохова были изданы у нас, в Англии, я был еще слишком молод, чтобы ощутить это влияние. Но так уж совпало, что в тот момент, когда я впервые всерьез заинтересовался тем, что происходит в Советском Союзе, в мои руки попал «Тихий Дон». Для того чтобы эта книга появилась на английском языке, потребовалось пять лет. Как раз в этот период, с 1929 по 1934 год, Советский Союз вступил в новую эру борьбы с фашизмом. Баровое зарево будущей войны уже разгоралось над Европой, подбираясь к берегам первого материка социализма. Так вступало в жизнь мое поколение.

Итак, я читал Шолохова по двум причинам. Первая, и самая главная, состояла в том, что он мог многое рассказать о самой нашей профессии, о литературном мастерстве. Во-вторых, он рассказывал о новом, социалистическом обществе: что оно будет делать, когда придет время тяжелых испытаний. Все это было не так легко понять и усвоить, но понять было крайне необходимо, ибо это волновало меня и мое поколение. Мы повсюду искали некоего духовного откровения, искали в первую очередь у тех художников, у тех общественных деятелей, которых уважали, которых любили и понимали. Из этого первого, еще юношеского контакта с Шолоховым я узнал, что он мне необходим, ибо он мог сказать то, что никто другой сказать не мог.

Но «Тихий Дон» — произведение не легкое. Я это понял сразу, прочитав первые пятьдесят страниц. Оно было суровым, суровым, как сама правда, и чтобы до конца понять его, нужно было подчиниться законам этой правды. Я до той поры ничего не знал о жизни казаков. Я не знал ничего такого, что могло бы накрепко связать меня с семьей Мелеховых, Коршуновых, Бунчуком, Голубовым. Я знал немного о лошадях и реках, но не знал ничего о войне и мире, о революции и гражданской войне. Все это я узнал от Шолохова.

Шолохов сделал для меня то, что приобрело особый смысл, особую цену в те трудные годы. Он не только нарисовал правдивую картину, отобразившую внутренний мир человека, попавшего в водоворот событий. Он сделал главное: показал, какое влияние оказывают коренные перемены в жизни общества на человеческую личность.

«Чисто интеллектуалистские», назовем их так, концепции войны и революции всегда приводили людей к ложному пониманию места человека в обществе, его участия в общественных процессах. От Шолохова я узнал, что революции и войны — это не интеллектуальный спорт, что в них принимают участие живые люди, чьи судьбы никогда не бывают легки и просты, чья выдержка, стойкость, преданность делу проверяются ежедневно, ежечасно суровыми буднями.

Это делали и другие писатели — и Барбюс, и Ремарк, и Хемингуэй, и Олдингтон, и Маннеринг. И хотя все они писали о войне, о том, что она делает с телом и духом человеческим, все они не сказали главного: как сдвиги в жизни об-

щества, гигантской силы потрясения меняют человека, формируют, преобразуют его. Это сделал Шолохов. Для английского читателя это было ново и необычно.

Шолохова часто сравнивают с Толстым. Но я скорее сравнил бы «Тихий Дон» с романом Виктора Гюго «Девяносто третий». Эта книга тоже о революции, о войне, о страданиях, о гражданской войне и контрреволюции. Подобно героям Шолохова, герои Гюго — живые люди, слабые и сильные, со своими радостями и горестями. Они страдают от своих ошибок, они гордятся своими победами. Как и Шолохов, Гюго раскрывает суть морального возрождения человека.

Но Шолохову приходилось писать не только о новой морали, ему приходилось писать о новой объективной реальности. Для чего весь этот героизм и страдания? В чем причины насилия и зла? Что все это дает человеку? Шолохову приходилось отвечать на все эти вопросы, когда он писал «Поднятую целину». Меня всегда интересовало, что чувствовал он, садясь за «Поднятую целину», ибо именно в ней он разрешал проблемы, поставленные в предыдущих произведениях.

Эта книга замечательная. И не только с точки зрения стиля, сколько с точки зрения идеи, содержания, раскрытия образов. Когда я с волнением читал, как молодой ленинградский рабочий Давыдов поднимает нетронутую казачью степь и сеет на ней хлеб, мне казалось, что это сам Шолохов сажает молодое дерево социализма в могучем лесу.

Творчество Шолохова дало мне мощный интеллектуальный заряд, оно помогло мне разобраться в том, что происходило в России, в Стране Советов. Где-то, точно не помню где, Эренбург писал: «Писатель должен знать не только, как писать для будущих поколений, на века. Он должен знать, как писать для одной лишь секунды, если в эту секунду решается судьба его народа». Я прожил с Шолоховым эту секунду, эту минуту, этот час, этот год...

Когда я писал эту статью, в витрине одного из книжных магазинов Лондона я увидел новое издание «Тихого Дона». Книга стояла на полке среди произведений классиков. Она по достоинству заняла это место.

Шолохов всегда жил строго по своим собственным заповедям. Именно это делает его настоящим человеком, настоящим писателем, настоящим гражданином своей страны. Быть настоящим гражданином своей страны — вот чему научилось мое поколение у Шолохова.

лондон.

«Сов. культура», 1975,
23 мая